

Е. Ф. Фирсов

УЧЕНЫЙ-КОМЕНИОЛОГ ЯН КВАЧАЛА В РОССИИ (ИСТОЧНИКИ О НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЗ РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА)

На первый взгляд имя Яна Квачалы (1862—1934), выдающегося историка современности, мало известно в России. Однако это по-настоящему знаменитый ученый с мировым именем. Он прославился тем, что к 300-летию юбилею со дня рождения Яна Амоса Коменского (1592—1670) в 1892 г. на немецком языке издал о нем монографию. Имя Квачалы отныне как в Европе, так и на Американском континенте стало символом фундаментального направления в комениологии. Именно после выхода в свет монографии «Ян Амос Коменский. Его жизнь и сочинения» последовал ряд лестных и заманчивых предложений занять вакансию в нескольких европейских исследовательских центрах и университетах. Но Ян Квачала предпочел Россию, переехав вскоре в Дерпт (ныне Тарту, Эстония) в Юрьевский университет на теологический факультет. В течение 25 лет Ян Квачала (самолучно применявший русифицированную форму своего имени — Иван Иванович Квачала) активно продолжал продвижение комениологических исследований в России и так бы в России и остался, если бы не события известных революций 1917 г. и то, что за этим последовало.

Пожалуй, зачинателем исследования архивного наследия Яна Квачалы в России был словацкий историк Павол Петрус, который в 1966 г. опубликовал первую статью по этой теме на словацком языке «Из корреспонденции Я. Квачалы с российскими авторами», вышед-

шую в г. Прешове (Словакия) в сборнике философского факультета университета им. П. Й. Шафарика.¹ Особенно ценной в публикации П. Петруса, на наш взгляд, была переписка Квачалы с академиком В. Ламанским. Из нее следовало, что Квачала уже в то время, на рубеже XIX—XX вв., владел великолепно словацким языком и даже вел на нем переписку с Ламанским, не владея еще русским языком.

Мы особо обращаем внимание на эту небольшую статью П. Петруса 60-х гг. XX в., поскольку в ней была выдвинута важная задача, а именно: во-первых, выявить научное наследие Яна Квачалы в российской научной периодике и, во-вторых, обследовать архивные материалы и особенно переписку Квачалы с ученым миром, сделав акцент на разработке творчества Я. А. Коменского, чтобы впоследствии издать эту часть переписки отдельной книгой. Но эти задачи так и остались благими пожеланиями. Специальных исследований, посвященных непосредственно творчеству Яна Квачалы в России, в отечественной историографии так и не появилось. Архивное наследие Яна Квачалы в России не только не стало востребованным, но даже и не зафиксировано во всей полноте в справочных архивных путеводителях.

При работе в РО ИРЛИ осенью 1997 г. нами была выявлена переписка Яна Квачалы с крупным русским философом, редактором «Журнала Министерства народного просвещения» Э. Радловым (ф. 252, оп. 2, № 680). Переписка весьма объемна, насчитывает более 70 рукописных посланий Яна Квачалы, как писем, так и почтовых открыток, все на немецком языке. Можно лишь сожалеть, что пока мне не удалось выявить ответные письма Эрнеста Радлова Квачале, которые я продолжаю искать как в России, так и с большей вероятностью в Словакии, куда в 1920 г. вынужден был перебраться Ян Квачала.

В комплексном виде проанализировать указанный фонд позволила действенная помощь в 2004 г. в получении копий архивных материалов и неподдельный интерес к тематике со стороны заведующей Рукописным отделом ПД Татьяны Сергеевны Царьковой, за что выражаю ей глубокую благодарность.

Но вначале следует остановиться на основных вехах жизненного пути и творческой биографии Яна Квачалы до его приезда в Россию. Родился он в пределах Австро-Венгрии, причем не в Словакии, откуда были родом его предки, а в провинции Бачка — от названия замка Баш (Венгрия), в местечке Петровец, словацком по составу населения (или Петровац — на сербском) 5 февраля 1862 г. в семье учителя. Закончил с отличием гимназию в Шарваше (учился там с 1872 по 1880 г.) и

¹ *Petrus Pavol. Z korespondencie J. Kvačalu s ruskými autormi // Zb. FF UŠ. 1966. Roč. VI. S. 149—162.*

осенью 1880 г., чтобы получить высшее образование, направился в Пресбург (Братислава), где стал изучать философско-теологический курс в Теологической академии, которую он закончил в 1883 г. А осенью 1883 г. Квачала продолжил образование в Германии, в Лейпциге. Там он провел 4 семестра, где кроме теологии изучал философию и филологию. На философском факультете он слушал лекции известных философов, психологов и педагогов. В 1885 г. Ян Квачала в Лейпциге был удостоен звания доктора философии на основе написанной диссертации, посвященной Коменскому. В 1886 г. он занял место капеллана в Пресбурге, а также являлся ассистентом профессора Евангелического лицея в Братиславе. Во второй половине 80-х гг. он получил диплом в Будапеште в области классической филологии и философии для средних школ, оставив пост капеллана. С 1885 г. Квачала стал ординарным профессором упомянутого лицея и преподавал в нем в течение 8 лет до 1893 г., т. е. до самого отъезда в Россию, в Дерпт. В теологическом лицее он преподавал кроме предметов по теологии также различные языки — латинский, греческий, немецкий, венгерский, а впоследствии и словацкий.

Как уже отмечалось, в 1892 г. вышел его фундаментальный труд, посвященный Коменскому. Результаты исследования Квачалы были особенно удачны благодаря тому, что он был ученым с большим кругозором и универсальным образованием: теологическим, филологическим и философским. До него теологи с опаской подходили к рассмотрению фигуры Коменского и зачастую обходили эту проблематику молчанием. Монография Квачалы получила огромный резонанс во всем ученом мире, и появление труда о Коменском восторженно приветствовали многие периодические издания.

Квачале представился выбор — или стать теологом в университете в Вене, где в 1893 г. он получил звание доктора теологии и где чуть позже ему предлагали занять кафедру профессора практической теологии, или отправиться в далекую Россию, куда он и поехал осенью 1893 г. С ноября этого года Квачала стал преподавать в Дерпте целый ряд предметов: историю церкви, догматику, символику, руководил историческим семинаром. Уже в начале пребывания в Дерпте он поднял проблему взаимоотношений Коменского с французским философом Декартом. Вскоре он занялся также исследованием личности внука Коменского, известного протестантского деятеля Д. Е. Яблонского. С самого начала пребывания в России Ян Квачала активно включился в деятельность комениологической секции Педагогического музея в Санкт-Петербурге. Здесь он прочитал свою известную лекцию «Коменский и Руссо, поборники педагогики», которая затем вышла на целом ряде языков, в том числе на чешском и словацком. В секции Ко-

менского того же Педагогического музея в 1890-е гг. также были сделаны доклады Квачалы о Коменском: «Новейшие мои исследования и открытия о жизни и деятельности Коменского», «Сообщение, сделанное на одном из заседаний отдела Коменского в 1894» (Русская школа. 1895. № 5—6); «История судеб „Великой дидактики“ при жизни Коменского» (см.: «Отдел Коменского пед. музея» в кн.: «Краткий обзор деятельности пед. музея в 1897—1898 гг.». СПб., 1899) и др.

Сам церемониал приглашения Квачалы в Россию был, на наш взгляд, исключительным. Ученый получил приглашение непосредственно от российской администрации и был назначен профессором в Юрьевский университет без особых консультаций с профессорской коллегией теологического факультета, как это было принято ранее. Бесспорно, что зачисление Квачалы на профессорскую службу в Юрьев, ставшее поворотным в научной биографии ученого, стоит расценивать как попытку российских властей создать своеобразный противовес засилью там исключительно немецкой профессуры. Следует отметить, что российская сторона еще несколькими годами ранее была намерена пригласить в Юрьев (Дерпт) в качестве подобного противовеса, но на философский факультет, известного чешского философа Томаша Масарика.² Однако Масарик изменил свое решение и отправился из Вены преподавать в пражский Карлов университет.

Встает вопрос: стал ли в действительности таким противовесом немецкой профессуре Ян Квачала? Видимо, и да, и нет. Ведь языком преподавания Квачалой предметов на теологическом факультете Юрьевского (Дерптского) университета оставался немецкий, которым тот хорошо владел, поскольку в свое время учился в Германии. Позиция официальной власти вовсе не была прямолинейной, и говорить о насильственной русификации университета вряд ли стоит. Русским языком Квачала лишь начал овладевать, и этот процесс затянулся более чем на десятилетие. Но в идейно-политическом отношении назначение Квачалы профессором данного университета все же таким противовесом являлось. Об этом свидетельствовала и научная проблематика, которой посвятил себя Квачала. Исследование творчества великого чеха и славянина Коменского в России само по себе говорило о тяге к изучению истории славянских народов. Предпочтение славянской проблематики особенно сказалось впоследствии, в период первой мировой войны и борьбы за создание независимого государства чехов и словаков. Славянская ориентация проявилась и в концепции основных трудов Квачалы. Славянский крен можно заметить в переписке Квачалы

² См. об этом, напр.: *Doubek Vr. T. G. Masaryk a česká slovanská politika. 1882—1910. Praha. 1999. S. 54.*

с академиком Владимиром Ивановичем Ламанским, в которой Квачала сетовал на неприступную стену немецкой профессуры, а также на то, что внимания в России к фигуре Коменского все еще недостаточно, так что Квачале предстояло еще многое сделать и изменить настрой в деле активного продвижения комениологии в российской научной среде.

Подчеркнем, что в России Квачала располагал великолепными условиями для продолжения исследования творчества Коменского. Его расписание было удивительно свободным, и он мог месяцы, а то и целые семестры ежегодно проводить за границей, продолжая поиск новых материалов о Коменском в Европе и публикуя новые монографии в европейских странах. Положение Квачалы в царской России, несомненно, было исключительным.

Существенную поддержку изданию своих трудов, кроме того, он получал от заграничных сообществ, прежде всего из Германии, где традиционно протестантские круги поддерживали комениологические исследования. Забегая вперед, стоит сказать, что хотя Квачала продвигал комениологическую проблематику в российских периодических изданиях, однако издание отдельного объемного труда о Коменском затягивалось. Поддержкой российской власти начинаниям Квачалы был систематический перевод на русский язык и публикации основных его работ по комениологии на страницах российской периодики.

Видимо, не будет преувеличением сказать, что Ян Квачала в дореволюционной России добился всего, о чем мечтал. Его, бесспорно, следует считать выдающимся представителем современной историографии, ученым с мировым именем, особенно в сфере комениологии, и рассматривать как *неотъемлемую часть российской научной среды и российской научной школы*, а не исключительно словацкой науки, как зачастую делается в настоящее время.

Его профессиональная университетская стезя в России складывалась как нельзя удачно: к 1918 г. он дослужился до поста декана теологического факультета и вскоре руководил переводом факультета из Юрьева в Воронеж, куда был эвакуирован Дерптский, ставший практически русским, университет. Напомним, что вскоре после приезда в Россию, а точнее в 1903 г., Квачала был удостоен известной премии имени Котляревского, которую он получил за фундаментальное двухтомное издание корреспонденции Я. А. Коменского.³

В годы первой мировой войны активизировалась борьба чехов и словаков, включая и тех, которые проживали в России, за создание не-

³ *Kvačala Jan. Korespondence Jana Amosa Komenského. — Praha: Česká akademie císaře Františka Jozefa, 1902. 351 s.*

зависимого государства. Деятельность Яна Квачалы в этом отношении также активизировалась. Его заслугой стоит считать создание в России словацко-русского общества имени Л. Штура,⁴ которое внесло большой исторический вклад в дело формирования концепции словацко-русской взаимности и духовного сближения народов. Так что Квачалу можно отнести к творцам современной программы сближения двух народов и развития двусторонних отношений. Но отношение самого Квачалы к достижению национальной независимости было своеобразным. Ведь Квачала сросся с российской средой за четверть века пребывания в России. Он без оглядки шел за Россией и видел пути решения словацкого национального вопроса в единении с ней. Квачала довольно скептически относился к программе создания единого государства чехов и словаков, которое возглавил в годы первой мировой войны известный чешский деятель Томаш Масарик, чью программу поддержали многие чешские и словацкие деятели, в том числе и в России, пусть и в результате длительной и изнурительной борьбы. Линия Квачалы в решении словацкого национального вопроса, таким образом, впоследствии оказалась достаточно прямолинейной, что привело к охлаждению ведущих лидеров чешского национального движения в лице Т. Масарика и других к фигуре Квачалы. Это отразилось и на общем отношении к Яну Квачале как ученому и его трудоустройству после вынужденного отъезда в Словакию, а точнее в Чехословацкую Республику, из России в 1920 г. Но это тема уже особой научной статьи.

Квачала был весьма внимательным к новой среде проживания и к межнациональным отношениям в Лифляндии. Он оказывал бескорыстную помощь местным студентам — особенно эстонцам и латышам — и помещал заметки об их положении даже в словацкой периодике убегаевцев.

Вернемся, однако, к исключительному по своей информативной значимости фонду Радлова, где хранится корреспонденция Яна Квачалы. Квачалу характеризует несомненная аккуратность. Письма и открытки написаны по-немецки почти каллиграфическим почерком. Единственным недостатком, пожалуй, является чрезмерно мелкое письмо ученого, что будет заметно и в документах, воспроизведенных в конце этой статьи. Почтовые штемпели на корреспонденции весьма наглядно демонстрируют большую научную мобильность ученого. Корреспонденция от него Эрнесту Радлову приходила чаще не из

⁴ Об историческом значении создания в России в 1915 г. словацко-русского общества памяти Л. Штура см.: *Фирсов Е. Ф.* Словацко-русское общество памяти Людовита Штура в России и идея славянского единства // *Россия XXI.* 1997. № 1—2. С. 87—102.

Юрьева (Дерпта), а из-за границы, и будущим исследователям интересно будет выяснить досконально географию научных поисков Квачалы в странах Европы.

Из переписки очевидно, что Ян Квачала обращался к Э. Радлову не только как к библиотекарю Императорской Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге (в Юрьеве-Дерпте не доставало фундаментальной библиотеки), а затем как к редактору ЖМНП.⁵ Их связывали, как следует из характера анализируемой переписки, не только научные проблемы и публикации в ЖМНП, но и личная дружба, хотя Квачала был несколько моложе Радлова. Порой Квачала, как свидетельствуют архивные материалы, выполнял по просьбе Радлова небольшие запросы справочного характера. Радлов в свою очередь стал наряду с В. И. Ламанским покровителем Квачалы, оказывая содействие продвижению его трудов на страницы ЖМНП.

Коллекция материалов Квачалы из фонда РО ИРЛИ представляет исключительную научную ценность и исследовательскую значимость прежде всего для комениологов. Почти в каждом послании можно встретить упоминание имени Коменского в той или иной связи. Ян Квачала являлся главным двигателем науки о Коменском не только в России, но и в Европе. Можно лишь сожалеть, что на состоявшемся в России комениологическом симпозиуме к 400-летию со дня рождения Коменского имя Квачалы в связи с периодами накопления знаний о Коменском в российской научной среде, к нашему удивлению, никак не фигурировало.⁶

Как указано в архивной описи, хронологические рамки анализируемого архивного фонда 1895—1911 гг. Однако следует внести уточнение: верхний рубеж не 1911-й, а 1913 г. Вызывает удивление, что в

⁵ См. об этом: *Фирсов Е. Ф.* Т. Г. Масарик и российская интеллектуальная среда (по архивам Чехии и России). Ч. 1. Томаш Масарик и Эрнест Радлов в научной и дружеской переписке. М., 2005. С. 12—13.

⁶ Сборник симпозиума вышел лишь в 1997 г.: Человек — культура — общество в концепции Яна Амоса Коменского: Материалы международного симпозиума к 400-летию со дня рождения Я. А. Коменского. Москва. 1990 г. М., 1997. В материалах данного симпозиума опубликован содержательный доклад М. Н. Кузьмина «Наследие Я. А. Коменского и русское общество», в котором автор рассматривает закономерности восприятия и освоения наследия Коменского в России. Можно лишь сожалеть, что вопрос о судьбах и восприятии Коменского в России решается без Квачалы, а имя Квачалы им вообще не упомянуто и выпало из контекста российской научной среды. На упоминаемом симпозиуме был обнародован также мой доклад, вышедший отдельным изданием: *Фирсов Е. Ф.* К юбилею Я. А. Коменского. Национальное и общечеловеческое в наследии Я. А. Коменского. М.: ИНИОН, 1990. Другие комениологические работы Е. Ф. Фирсова см.: *Firsov Evgenii F.* // *Scholars of Bohemian, Czech and Czechoslovak History Studies.* Prague, 2005. 1. (A—1). S. 262—268.

архиве отсутствует переписка периода первой мировой войны и послереволюционного периода. Не исключено, что эти материалы были впоследствии каким-то образом изъяты и в фонд Э. Радлова не попали, хотя Квачала по-прежнему оставался в России, а Э. Радлов после революции даже занял пост директора Публичной библиотеки в Петрограде.

Анализируемые архивные материалы позволяют осветить следующий круг важнейших вопросов. Во-первых, письма Квачалы помогают в какой-то мере раскрыть творческую мастерскую ученого. Материалы позволяют проследить процесс адаптации в России знаменитого комениолога и выявить процесс постижения им русского языка. Важно то, что переписка помогает во всей полноте раскрыть тематику научных занятий в период пребывания Квачалы в России, а также очертить круг его научных контактов с российскими учеными.

Нас интересовала также проблема: насколько было присуще Яну Квачале словацкое национальное самосознание? Ведь некоторые, особенно европейские, исследователи упрекают Квачалу в чрезмерном преклонении перед Россией и чуть ли не в ассимиляции. Анализируемые материалы опровергают подобные взгляды.

Создается впечатление, что Ян Квачала в период частого пребывания в Европе не забывал о своем друге Э. Радлове и всячески пытался приблизить ему Европу. Многие из корреспонденции Квачалы можно назвать своеобразным «окном» в Европу — в фонде отложилось немалое количество почтовых открыток с видами европейских городов. Думается, что Квачала поступал намеренно, посылая открытки с видами, зачастую цветными, своему другу. Ведь в молодости Э. Радлов проходил научную стажировку в Европе, например, в Австрии, Германии и т. д., да и вел свое происхождение от немцев из Германии, осевших и обрусевших в России.⁷

Кроме того, в переписке содержатся материалы личного характера, хотя и незначительные по объему. Это также свидетельствует о дружеских отношениях Квачалы и Радлова. Например, Квачала предстает заботливым сыном, он сообщает о своем пребывании на родине у матери, о болезни которой пишет. Исключительная трудоспособность и

⁷ Обращаю на это внимание особо, поскольку в этом вопросе до сих пор существует путаница и обидные ошибки. Происхождение своих предков из Германии подтверждает в автобиографии сам Э. Радлов. Так что утверждение одного из современных петербургских исследователей о том, что Э. Радлов был «русским подданным *чешского происхождения*», неверно. См.: Т. Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: К 150-летию со дня рождения Т. Г. Масарика / Отв. ред. М. Г. Вандаковская. М.: Русский путь, 2005. С. 87.

увлеченность Квачалы наукой не прерывала его занятий даже в отрыве от России во время поездок.

Научные интересы Яна Квачалы были весьма разносторонними. Квачала предстает как философ с большим кругозором. Большое место в переписке кроме Коменского уделено другой крупной фигуре — Т. Кампанелле. Еще в 1905 г. в Юрьеве ученый издал брошюру на русском языке «Послание Фомы Кампанеллы к Великому князю Московскому (со вступительной статьей и примечаниями)». Впоследствии в 1906—1907 гг. в ряде номеров ЖМНП с продолжением печаталась работа Квачалы «Фома Кампанелла». Анализируемый архивный фонд содержит немало материалов, связанных с осмыслением Квачалой наследия Кампанеллы в ходе публикации своих трудов в ЖМНП. В фонде отложился, например, компактный план-проспект на немецком языке книги Квачалы о Кампанелле, направленный Э. Радлову. Документ дается нами в Приложении. По большому счету Квачала пытался выяснить реформаторскую программу устройства мира, предлагаемую Кампанеллой, а также выявить его влияние на педагогическую систему Коменского. Квачала показал, что Коменский пошел дальше Кампанеллы в своей педагогической системе образования.

Анализируемая переписка Яна Квачалы из фонда Э. Радлова, частично воспроизводимая в конце этой статьи, чтобы создать более емкое впечатление для читателей об уникальности архивного фонда, несомненно, заслуживает впоследствии отдельного издания вместе с другими российскими архивными фондами Яна Квачалы.

Ниже факсимильно воспроизводятся материалы из РО ИРЛИ, ф. 252, оп. 2, ед. хр. 680, л. 69, 14, 95, 49, 89, 13, 22, 92, 36 и др.

Wien D. Anstaltengasse 11.
DOPISNIČE. 20. VI. 1909. Ph. 17.

Liebetester Herr Redakteur! Auf meine Mitteilung
 von heute Abend habe ich keine Antwort erhalten. Falls Sie
 wirklich damit die Sache der Universität erheben für würdig
 betrachten, so muss Sie mir, wie dürfte es wohl noch nicht
 nur in der größten Öffentlichkeit, sondern auch vor einem
 andern Forum trafen, so, mitzuteilen nicht nur in dem Ma-
 ße und mit den Faktoren anderer darf am wenigsten
 in Mann, der in der Theorie an demigleichem ist, dessen
 Springen. — Zur Erinnerung an unvord^{früher} Depeschen,
 die folgt für neuestes Probe bei jeder Original.

Uydelet pedagogický týdeník „Komenský“

Документ 1. Почтовая открытка, выпущенная Чешским педагогическим еженедельни-
 ком «Коменский» в честь Квачала с его портретом. Под фото надпись —
 «Доктор теологии и философии Ян Квачала». Своё фото Квачала послал
 Э. Радлову из Вены 20 июня 1909 г.

Документ 2. Вид Юрвева-Лифляндского (Дерпта) с университетом и ратушей. Открытка послана Э. Радлову 21. III. 1900 г. В ней Квачала упоминает о своей работе в журнале «Вопросы философии»

Документ 3. Открытка из Юрвева (Дерпта) с видами Лифляндии. Авг. 1899 г. В ней Квачала упоминает своего коллегу Нечаева, который оказывал помощь в переводе трудов Квачалы на русский

42

J. Voss, Br. L., Koenig

Aufgächte Nr. 95
Pikt. 1899!
Wien, wenn der
Dank die Pöppel
Arbeit nicht ausreicht
ist, so hätte ich selbst
verpflichtet, davon
abzusehen. Ich
wollte eben die halbe
meine Weg über Pöppel
begleichen, doch ist
mein Bein jetzt außer Acht

Hudobníci z Lipt. Štiaca. Musikkapelle aus L. Štiac. photo 22.

J. Voss
1899

erst von 1899
auf 1899

Документ 4. Открытка от 16 авг. 1899 г. из Словакии из г. Турчанский св. Мартин с изображением словацких музыкантов из г. Липтовский Сляч

PARIS L'Hotel des Invalides. — LL.

CARTE POSTALE

Tous les Pays étrangers n'acceptent pas la Correspondance
(Se renseigner à la Poste)

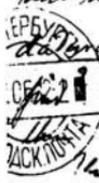

CORRESPONDANCE

ADRESSE

Ich habe keine Retention
 Anzeichen der Unruhe
 weabing sollte ich a für
 und mühte si fragen, ob si
 da und nicht gefürt werden
 Ich finde dies recht unger
 und fuhle mich wohl
 im erstem Krankheit

F. J. Pavlov
 Nos. de rédaction
 E. L. Radlow
 Peterbourg
 Agorodny Pr. 24:
 Sarofayevskii 24

8/

13

*Herzogliche Herr Reichartzen! Ich bin sehr froh an meine erste Mittheilung auch
 ich Ihnen noch nachzutragen die Nachricht, dass sich in einem Schreiben an Herrn Hof
 durch den Vortrag überhaupt abgelehnt habe, in dem Wort abgelehnt abgelehnt abgelehnt abgelehnt*

Документ 7. Вид юга России, где Квачала проводил отпуск. В открытке речь идет о переписке с профессором А. И. Введенским (известным русским философом) по поводу перевода и публикации статьи Квачалы

Liptov 22. VII. 89.

*Habgeblit Herr Prof.
 oltava Sie werden
 mich sehr herzlich dan-
 ken. Sie sind rechtlich
 ta, wie ich nun mit
 meinen Ressourcen Ab-
 und über Repräsentan-
 ion. Ich füge dem
 mein bei, dass ich auf
 mich keine weitere
 Pflicht nehmen,
 mich einfach an ver-
 ren, wie es Ihnen am
 dienlich ist. Ein gel-
 des Wort bitte*

Svadobnici z Lipt. Sliaca. L. Sliacer Hochzeitszug. Znamajstian vrschienen

Kвачала

aus Liptov. Mit der Königin

Документ 8. Открытка с изображением словацкой свадьбы с почтовым штемпелем г. Лучки 22 июля 1899 г. В ней Квачала упоминает о работе над статьей о Руссо

Sehr geehrte Herr Bibliothekar!

Ich möchte Sie doch nochmals bitten, mir eine kurze
Nachricht schreiben zu lassen, ob Sie meine Arbeit
erhalten und sie zu publiciren gedenken. Es ist mir
das wichtig, da in Prag eine sehr gute Verlegerhandlung
dieselbe angekauft wurde und an die ich doch nicht
treten möchte, bevor ich eine Nachricht von Ihnen
habe. Hoffentlich werde Sie mir eine solche, a. pr.
nicht bald schreiben. Mit der besten Empfehlung,
Prag, Kgl. Weinberge, Puchmayerstr. 25^{II}
ist. Tschäny 78. Ihr ergebener
Kwacala

Документ 10. Письмо из Праги (Краловске винограды, ул. Пухмайера, 25) от 7 марта 1898 г., в котором Квачала информирует о предстоящем выходе в свет своей книги и обещает подарить ее Радлову. Очевидно, что речь шла о 1-м томе корреспонденции Коменского «Korespondence Jana Amosa Komenského». Praha, 1898. I

957

LEVELEZŐ

CARTE POSTALE

EGYETLEN POSTA-EGYESÜLET (UNION POSTALE UNIVERSELLE);
Magyar postaigazgatás
(Administration des postes Hongroises)

36

Dr. J. A. Radlow
E. L. Radlow

Rusland

St. Petersburg
Zarogradou № 24.

Ihrer Güte Herr Redacteur!

Ihr habe mich durch eine Karte am 10ten, zu meinem großen Er-
staunen benachrichtigt. Nun möchte ich Sie fragen, ob ich
Schon auch eine Übersetzung der folgenden Bande der
zwei L. angezeigten Keltalphen Publication veröffentlichen
würden können; ich würde mich bemühen auch auf
zu schreiben. Auch ein neuer Band des Monum. German.
Piedg. möchte ich gerne anzeigen. Das Paulsen'sche Buch hat
ich schon bestellt. Hoffentlich schicken Sie mir einige Lath
Ihr ergeb. J. Kwacala

St. Petersburg (Rusland) Morgen,
11. VII. 1902.

Документ 11. Открытка с венгерским штемпелем из родного Петровца (Petrovac, Vacs, VII.1902), где Квачала находился у больной матери. В открытке он обсуждает с Радловым издательские дела

Vielmehr wende ich mich an meine Metropolen (gar an meine
de Aufwarten), wenn ich etwas von ihnen brauche stets, wie es
für einem christl. evang. Theologen geziemt (Math. 7. 7. ff.)
mit entsprechender Bitte. Erscheint welches Bitten nutzlos -
so höre ich eben auf. —

Schließlich möchte ich Sie noch fragen, weil ich annehme,
dass Sie bei Herrn Obrigkeit für die Sache auch ein Interpellation
können, ob Sie einen Artikel Massaryks - über neuere christl.
Religiösophistrophe (Leitungs. für Rel. u. Geisteskultur)
kennen; es war mir sehr werthvoll darüber Ihre Ansicht zu
kennen.

Mit Gruss und herzlichster Anwarts
Ihr ergebener
Kvachala

24. III. 1907

Документ 12. В открытке из Юрьева (Дерпта) от 24 марта 1907 г. Квачала сообщает Радлову о выходе в свет статьи Т. Г. Масарика о В. Соловьеве на немецком языке. В. Соловьева Квачала знал лично и в одном из писем в 1898 г. передавал ему через Радлова привет. Этот архивный материал введен мной в научный оборот в книге: Фирсов Е. Ф. Масарик и российская интеллектуальная среда (по архивам Чехии и России). Ч. 1. Томаш Масарик и Эрнест Радлов в научной и дружеской переписке. М., 2005. С. 71

44/

Hochgeachteter Herr Redakteur,

57

Ich verreise in der Nacht und es möchte ich Sie, H.H.R. gebeten haben, wenn es möglich, Anordnung zu treffen, daß man mir die Mai-abdrücke nicht her sende, sondern bis August, oder bis zum Fortgehen der folgenden Partei, dort behalten, und dann zusammen sende. Durch Nachsenden könnten mir Unbequemlichkeiten erwachsen.

Ich nehme an, daß Sie im Sommer nichts weiteres der Arbeit drucken werden; frohe ich mich aber, wenn Sie mir Korrektur senden, so würde

Документ 13. В письме (1910 г.) Квачала сообщает Радлову о выходе в свет в Австрии своей рецензии на брошюру (речь в парламенте) Т. Г. Масарика

Hochgeehrte Herr Redacteur!

Hiermit habe ich die Abhandlung meiner letzten Zeile las ich in der
Menschheit Allg. Zeitung über den Tod des H. Protopopow, und be-
dauere sehr diese Abhandlung zu haben. Diese Abhandlung ist gleich-
zeitig Ihre Zeitschrift und eine von Frey. Frey hat den Namen letzter
vermutlich, das Sie von Ihnen gebrüder haben, - wenn Sie es ist,
so danke ich Ihnen nochmals für die Arbeit. Ich werde es sehr freuen
zu hören über eine solche Abhandlung zu bringen, denn in der letzten Zeile
müßte meine Arbeit in der anderen Aufgabe stehen.

Anbei eine kleine handschriftliche anti: altösterreichische Polemik.

Dat. Wien d. 30. IV. 1900. Hochachtungsvoll und mit besten
Grüßen Ihre ergebene
Kwacchala

Документ 14. В открытке от 30.IV.1900 г. Квачала сообщает Радлову, что прочитал в немецкой газете о кончине русского философа В. П. Преображенского. Квачала пишет, что его работа носит характер словацкой «антиультрамонтанной» полемики

Hochgeehrte Herr Redacteur!

Hiermit sende ich Ihnen meine Antwort. Arbeit an den Frey'schen Frey
und bin gespannt auf die Antwort. Wenn Ihnen die Polemik entgegen, so will
ich Ihnen ein kurzes Referat über Karmel's Geschichte der Polemik abgeben
arbeiten: sich habe ich schon früher für slavische Reine in Aussicht gestellt, ich
habe aber in der vorigen Karte darauf angeführt: daß wenn Sie sich immer weiter
laden wird, so lasse ich den Gedanken verschwinden lassen.

Somit sende ich abzugeben, und bleibe das ganze nächste Jahr
weg. Hoffentlich trifft sich die im nächsten Jahre ganz gesund an, und dann
bis dahin ganz gesund, daß ich wieder mit Ihnen persönlich correspondieren
müßte. Hochachtungsvoll die besten Grüßen
von Ihrer ergebener

Kwacchala
d. 21. V. 1900.

Kwacchala

Документ 15. В почтовой открытке от 21.V.1900 г. Квачала выразил надежду, что освоит наконец как следует русский и впредь будет вести на нем переписку с Радловым. Квачала писал, что он отправил свою работу о Кампанелле князю Трубецкому

Ich Gebraue der Reserua. Ihre Redaktionen-
 grundsätze sind mir recht bekanntes das ich Ihnen
 eine Arbeit nicht anbiete, die verpft gemacht ist. Es ist
 nicht ein Refarat über mein slovarisch,
 das jugendliche Buch erklären, in welchem der deutsche Ref.
 zum Schluss noch
 recht bedauernd das ich slovarisch schreibe. In
 der B. Schrift wenig zugänglich ist. "Religion
 und Geisteskultur." 1989. Ja! Doch
 werde ich mich bemühen, die ^{Reise} ~~Veränderung~~ zu bringen.
 Da es sich nicht über einen Thema slovarisch schaffen bereits
 auf Befehl eines Redakteur, einer Presse ^{Veranstaltung} ~~Veranstaltung~~.
 Jürgen Bredt 17/II 1909. Arpad Kvaschal

Документ 16. В почтовой открытке из Юрьева от 17 февр. 1909 г. Квачала недоумевает по поводу немецкой рецензии на свой труд о Коменском и Мицкевиче на словацком языке, опубликованный в юбилейном сборнике, посвященном академику В. И. Ламанскому. Труд вышел также отдельным изданием в Санкт-Петербурге. Немецкий автор рецензии, к удивлению Квачалы, сожалел, что работа написана на родном словацком языке Квачалы, а не на доступном публике немецком

1. Die Entdeckung der Welt von den Menschen führen über die mittelalt. Philos. hinaus, was sie 17-18. von (in Zusammenhang) die zu ein viel. ableitenden Prozess der Renaissancephilosophie
2. Die neue Philosophie nahm von die mittelalt. Leiden die Aristocratische Verbindung mit dem Christentum als befehl auf, welche aber in Gegensatz von Aristoteles eine Ableitung bei anderen Quellen
3. Hierarch während universelle eine prinzipielle Holbarkeit, andererseits eine mythologische Weltanschauung.
4. Seit der Mitte des 17. Jahrhunderts die Aufklärung der Inquisition und dem Absterben des Tridentinums wird die freie Lage dieser Pöbelung, nicht ansehnlich, theologisch genannt (Toleration) oder pöbel (Braum). Die Reich fällt die Freiheit mit der Autokratie des Aristoteles wieder her.
5. Thomas Kemp., schon in den Kontrast Jahren ein Arist. ist durch Toleration für die Renaissancephilosophie gewonnen worden, um durch ein vorherrschendes Schicksal anheim zu sein, aber in jenem von der Scholastik doch nicht völlig emancipiert.
6. Seine Metaphysik wird wie in der Hauptache Thomastische Weltanschauung aus einem von den Königen gezeigten Permutation ableiten.
7. Auch die Ergänzung durch die Regale kann diese Vorleser zu christlichen Metaphysikern genannt werden.
8. In dieser der Kirche nicht für die Welt wurde Kemp. unter Einfluss von Scholastik, epistemologischen Anschauungen zu einer Kritik gegen die Aristoteles (vollständig) abstrakt, gelehrt.
9. Der Tomespaat bedeutet - mit Amabile, Felici - aber ein Programm eines ^(natürlich) christlichen Welterkenntnis italienischer rechristlichen Schöner.
10. Eine aufsehnliche verarbeitete Abhandlung dieses politischen Entschlusses ein Thema der Gegenposition ist der Inhalt eines Propaganda nach die Schrift „Renniscenatur“.
11. In christlichen Kreise deutet die Philosophie fast nach ein Jahrhundert fort. Nach die Aufklärung in ihrer Abstraktion finden wir in die Fügung viele von jenen Gedanken wieder ^{zu} Metaphysik, Schicksal.
 - ad. 1. die entscheidenden Konzepte antizipieren die Des letzten
 - ad. 2. nach dem Konzepte der Tomespaat ist die Freiheit gegenüber (Gothem)
 3. auch dessen Abgrenzung entgegen in jod. Leiden physisch, ad. 4. heißt gewisse Verbindungen
 3. Nicht mehr als bekannt ist sicher ihm auch die 3. große Akademie der 17. Jhdts (Par. Sen. Phil.) zu verdanken.
 5. nach dem Vordränge der Renniscenatur ist o. l. Kemp. in jenen Wörtern - die Abgrenzung der Propaganda ^{gegenüber}
 6. jenen Abgrenzung auf dem physischen Freiheit ist außer die Freiheit der Konzepte, auch die Renniscenatur auf die Welt der Abhandlung in seinen abgeleiteten Arbeit physisch zu verstehen.
12. Seine durch die begrifflichen Lehren finden wird abgeleitete Freiheit ist eine der demontarischen Methoden in die Freiheit der metaph. Geschichtlichkeit.

Документ 17. Содержательный план-проспект труда Квачалы о Кампанелле, направленный Э. Радлову